

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9

ББК 88.3

Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

C. G. Jung
ZIVILISATION IM ÜBERGANG

Перевод с немецкого В. Желнинова

Серийное оформление А. Фереца, Е. Ферец

Дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Нравственный выбор : [сборник] / Карл Густав Юнг ; [перевод с немецкого В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-191236-9

В работах, составивших сборник, Юнг анализирует нравственный выбор как психологический процесс, обусловленный взаимодействием сознания и коллективного бессознательного, рассматривая совесть как поле напряжения между усвоенными моральными нормами и глубинными психическими импульсами. Юнг прослеживает, как это внутреннее напряжение проявляется на уровне отдельной личности и в масштабах целых народов, и высказывает мнение, что причиной кризиса цивилизации являются не только и не столько внешние обстоятельства; главный источник проблемы — в глубинных сдвигах коллективной психики, вследствие которых неосознанные силы выходят на поверхность и начинают определять поведение масс.

УДК 159.9

ББК 88.3

© Walter Verlag AG, Olten, 1974

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich together with the original title of the Work, 2007

© Перевод. В. Желнинов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

НРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР

Добро и зло в аналитической психологии¹

Хочу искренне поблагодарить профессора Зайфerta² за подробное разъяснение проблемы тени. Вы просите меня добавить кое-что от себя, и я охотно соглашаюсь, но предупреждаю, что речь пойдет о чисто эмпирической стороне добра и зла, с которой терапевт имеет дело как с конкретным фактом. Должен признаться, что всегда испытываю трудности при обсуждении проблемы добра и зла с философами и богословами. У меня складывается впечатление, что они рассуждают не о самом явлении, а лишь о словах, о понятиях, которые обозначают

---

¹ Импровизированное обращение к штутгартской общине «Врачи и целители душ», члены которой прибыли в Цюрих для проведения восьмого ежегодного собрания общины осенью 1958 г. Стенограмма выступления Юнга, подготовленная Гебхардом Фраем, была одобрена автором и опубликована в сборнике «Gut und Böse in der Psychotherapie (под редакцией Вильгельма Биттера, Штутгарт, 1959). Редактор отмечал в предисловии: «Все участники встречи горячо приветствовали пространное выступление профессора Юнга, которое он, в непринужденной и свободной манере, назвал спонтанной реакцией на доклад профессора Зайфerta и вопросы присутствующих».

² Фридрих Зайферт из Мюнхена, участник встречи. — *Примеч. ред. оригинального издания.*

это явление или связаны с ним. Мы вообще склонны обманываться словами, мы подменяем словами действительность. Люди говорят со мной о зле и добре и предполагают, будто я знаю, что это такое. Но я этого не знаю. Когда кто-то говорит о добре и зле, он имеет в виду только то, что сам называет добром или злом, что сам считает добром или злом. Зато он берется вещать с поразительной уверенностью, хотя ведать не ведает, так ли все на самом деле, вправду ли соответствует действительности то, что он называет добром или злом. Возможно, мировоззрение такого человека напрочь не соответствует реальным фактам, и в итоге объективность подменяется внутренней, субъективной картиной.

Если мы хотим прийти к пониманию столь сложного вопроса, как взаимоотношения добра и зла, начать нужно со следующего утверждения: добро и зло сами по себе суть принципы мироустройства, и надо помнить, что такие принципы существовали задолго до нас и охватывают мир далеко за пределами наших жизней.

Когда говорим о добре и зле, мы конкретно рассуждаем о том, чьи сокровенные качества нам на самом деле неизвестны. Вдобавок сугубо от нашего субъективного восприятия зависит, переживается ли нечто как злое и греховное; столь же субъективно мы оцениваем степень и тяжесть греха.

Быть может, вы слышали шутку про исповедника в Техасе. К нему приходит молодой человек с жутко унылым постным лицом. «В чем дело?» — спрашивает священник. «Случилось кое-что ужасное». — «Что именно?» — «Я совершил убийство». — «Сколько раз?» Эта шутка наглядно показывает, как

по-разному два человека могут воспринимать один и тот же факт, одну и ту же реальность. Я называю то или иное событие скверным, зачастую не будучи уверен в том, что это действительно так. Многое кажется мне дурным, хотя на самом деле это не так. Например, после расставания с пациентом мне часто хотелось дать себе подзатыльник — за то, что я, на мой взгляд, поступил с этим человеком несправедливо. Возможно, нагрубил или не сказал того, что следовало сказать. А в следующий приход он сообщает мне: «Все было просто замечательно — именно то, что требовалось». Но бывают и прямо противоположные ситуации: я считаю, что провел отличный сеанс и удачно истолковал сны, а потом оказывается, что пациент сильно расстроился.

Откуда берется эта вера, эта мнимая уверенность в том, что мы способны отличить хорошее от плохого? «Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum»¹. Боги знают, но мы-то не знаем. Эта истина справедлива для психологии. Если думать: «Это может быть очень плохо, но, с другой стороны, может и не быть», то у вас есть шанс поступить правильно. Но если вы знаете что-то заранее, то фактически уподобляетесь божеству. Все мы — лишь ничтожные человеческие существа, которым попросту не дано знать, что хорошо и что плохо в каждом конкретном случае. Наше знание абстрактно. Проницать взором ту или иную ситуацию — доступно только Господу. Возможно, мы составим свое мнение, но нам неизвестно, насколько оно окончательно. В лучшем случае мы можем осторожно сказать: судя по таким-то

---

¹ «Будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 5). — *Примеч. ред.*

признакам, то-то и то-то является добром или злом. Причем зло для одного народа вполне может рассматриваться как добро для другого народа. Эта относительность ценностей применима и в области эстетики: современное произведение искусства является для одного человека высшей ценностью, за которую он готов выложить большую сумму денег, тогда как другой человек не может в нем ровным счетом ничего понять.

Несмотря на все перечисленное, мы не в состоянии воздерживаться от суждений. Называя хорошим то, что кажется нам плохим, мы фактически открыто лжем. Если я скажу кому-то: «Вы создали подлинный шедевр!», а про себя буду думать, что его труд — полная ерунда, то я солгу. Быть может, прямо в этот миг мой собеседник нуждается в этой лжи и чувствует себя польщенным. Но по-настоящему полезное воздействие наблюдается лишь тогда, когда я даю человеку положительное признание со всей доступной мне искренностью, причем высказываю свое мнение в нужный момент. Вынося аффективные суждения, мы находимся во власти эмоций, которые, конечно же, изрядно мешают применять обоснованные критерии оценки.

Мое отношение к данной проблеме не теоретическое и не априорное, а чисто эмпирическое. Пациент приходит к терапевту с конфликтом, тлеющим в душе, и надо понять, как раскрыть эту конфликтную ситуацию, которая очень часто бессознательна, чтобы прежде всего найти способ справиться с конфликтом. Пожалуй, единственное, что я точно могу сделать — это осторожно сказать себе: мы не знаем наверняка, что происходит. Вы-

глядит как то или это, но с тем же основанием можно дать и другое толкование. Поначалу ситуация может показаться довольно негативной, но постепенно понимаешь, что больному было суждено попасть именно в нее. Так что я обычно позволяю себе сказать: уповаю на Господа, что поступаю правильно. Не исключено, что мы оказываемся в эмоционально чрезмерной обстановке, когда пациент, словами Альберта Великого¹, страдает *in excessu affectus*². При внимательном взгляде мы увидим, что добро и зло, как уже было сказано, суть принципы мироустройства. Само слово «принцип» происходит от латинского *prius*, то есть «первое» или «начало». Высшим принципом, который мы можем вообразить, является Бог. Принципы, сведенные к их пределам, суть просто проявления Божества. Добро и зло — основы нашего этического суждения, но, будучи сведенными к своим онтологическим корням, они становятся «началами», сторонами и именами Бога. Поэтому всякий раз при «избытке чувств», в эмоционально чрезмерной ситуации, сталкиваясь с парадоксальным фактом или событием, я фактически познаю какую-либо сторону Божества, о которой не могу судить логически и которую мне не одолеть, потому что она заведомо сильнее меня — она, иными словами, обладает нуминозным³ качеством, а я оказываюсь лицом к лицу с тем, что Рудольф Отто называет *tremendum* и *fasci-*

---

¹ Немецкий философ и богослов, крупнейший мыслитель Средневековья, наставник Фомы Аквинского. — *Примеч. пер.*

² От избытка чувств (лат.). — *Примеч. ред.*

³ Нуминозное — иррациональное ощущение божественного присутствия. — *Примеч. ред.*

*nosum*¹. Я не могу «одолеть» нуминозное, могу лишь открыться ему, позволить овладеть мной и довериться его значению. Принцип всегда выше и сильнее человека. Я даже не могу «победить» основополагающие принципы физики, они противостоят мне, нависают надо мною, как голые факты, как законы, которые «торжествуют». С этим людям не справиться.

Если я скажу *in excessu affectus*: «Это вино скисло» или «Этот тип — шелудивый пес», то вряд ли буду в состоянии узнать, правдивы ли и правильны эти суждения. Другой человек может совершенно иначе оценить то же вино и того же индивидуума. Мы знакомы лишь с поверхностью вещей, видим их только снаружи, а потому должны проявлять подобающую скромность. Как часто мне хотелось избавиться от какой-либо особо раздражающей — на мой взгляд — черты в характере больного, а впоследствии выяснялось, что в некотором глубинном, если угодно, смысле он был совершенно прав, ее сохраняя и пестуя. Скажем, я хочу уберечь кого-то от смертельной опасности, которая ему грозит. Если я добьюсь успеха, это будет, полагаю, отменное терапевтическое достижение. Но позднее становится понятно, что для него — если он не последовал моему совету — было правильно испытать угрозу на себе. Спрашивается, а не суждено ли ему было ощутить близость смерти? Если бы он ни на что не отважился, если бы не поставил на кон свою жизнь, то, может быть, лишил бы себя важнейшего жизненного опыта. Отказавшись рисковать жиз-

---

¹ Жутким и манящим (лат.). — Примеч. ред.

нию, он, следовательно, никогда бы не обрел ее во всей полноте.

Так что в вопросе различения добра и зла терапевт может лишь надеяться, что правильно понимает факты (полная уверенность тут, разумеется, невозможна). Будучи терапевтом, я ни в каком конкретном случае не могу подходить к проблеме добра и зла философски; мой подход — чисто эмпирический. Правда, эмпирическая позиция вовсе не означает, что я релятивизирую добро и зло как таковые. Мне предельно ясно видно, что вот — зло, но парадокс как раз в том и заключается, что для конкретного человека в конкретной ситуации на конкретном этапе развития это зло может быть благом. Наоборот, добро в неподходящий момент времени в неподходящем месте может оказаться худшим из возможных зол. Будь иначе, жизнь существенно упростилась бы — сделалась слишком простой. Если я не выношу априорных суждений и приглядываюсь к фактам, не окружая их вымыслами, то не всегда знаю заранее, что для больного хорошо, а что плохо. В лечении нужно учитывать множество факторов, значение которых еще скрыто от нас, они словно прячутся в тени и только позднее свет рассеивает эту мглу. Скрытое «в тени» Ветхого Завета предстает в Новом Завете в свете истины.

Так обстоит дело и в психологии. Самонадеянно думать, будто мы всегда можем сказать, что хорошо, а что плохо для пациента. Возможно, он знает, что то-то и то-то действительно для него плохо, но все равно делает это, а потом страдает от угрызений совести. С терапевтической, то есть эмпирической,

точки зрения это может быть очень хорошо для него. Возможно, ему придется испытать на себе силу зла и соответственно «претерпеть», ибо только так он сможет отказаться от своего фарисейского отношения к другим людям. Быть может, судьбе, бессознательному или Богу — называйте как хотите — пришлось как следует его стукнуть, втоптать в грязь, потому что лишь подобный суровый опыт способен заставить прозреть, вырвать из тенет инфантильности и сделать человека более зрелым. Откуда индивидууму знать, что он нуждается в спасении, если он совершенно уверен, что ему не от чего спасаться? Он видит собственную тень, излом собственной жизни, но отводит взгляд, не пытается бороться с собой, не ищет согласия с собою, ничем не рискует — зато хвастается перед Богом и ближними своими незапятнанными одеждами, чистотой которых на самом деле обязан исключительно своей трусости, своему регрессу, своему сверхангельскому перфекционизму. Вместо того чтобы устыдиться, он встает в храме в первые ряды и твердит: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие»¹.

Такой человек думает, что он в своем праве, поскольку знает, что плохо, и избегает подобных действий. В итоге он никогда не удовлетворяется содержанием своей жизни и ведать не ведает, от чего нужно его спасать. Даже апокрифическое изречение: «Человек! Если ты знаешь, что делаешь, ты благословен, но, если не знаешь, ты проклят как преступивший закон»² дает нам всего-навсего поло-

---

¹ Лк. 18:11. — *Примеч. ред.*

² Автор цитирует апокрифическое Евангелие от Луки из так называемого Codex Bezae. — *Примеч. пер.*

винный шанс. Человек, творящий зло и сознающий свои действия, может рассчитывать на конечное спасение, но сначала должен очутиться в аду. Ведь совершенное зло, даже если оно осознавалось, все равно остается злом и ведет себя соответственно. Но не сделай ты этого шага, не пойдешь ты по этому пути, может быть, это был бы психический регресс, шаг назад в твоем внутреннем развитии, зрелое проявление детской трусости. Ошибается тот, кто уверен, что, «зная себя», защищается или спасает себя от греха; напротив, он погружается в греховность. Впрочем, упомянутое изречение настолько парадоксально, что оно страшно возмущает наши обыденные чувства. Церкви же известно об этом парадоксе, недаром она учит о *felix culpa*¹ наших прародителей (в литургии в канун Пасхи). Не согреши они, не было бы *felix culpa*, которое привело в результате к еще большему чуду искупления. Тем не менее, зло остается злом. Выход один — приучать себя мыслить парадоксами.

Мы, люди, сами того не желая, исправно попадаем в ситуации, в которых великие «принципы» впутывают нас в хитросплетения, а Господь предоставляет нам возможность самим искать выход. Иногда с Его помощью открывается четко видимый путь, но в условиях сурового выбора индивидууму нередко кажется, что все благие духи его бросили. В критических ситуациях герой всегда без оружия, и в такие мгновения, как перед смертью, мы осознаем всю неприглядность этого факта. Никто не знает и не может знать дальнейшего развития собы-

---

¹ Здесь: «блаженном грехопадении» (лат.). — Примеч. ред.

тий. Тысячи поворотов судьбы внезапно выводят в подобный тупик. Символически этот путь представлен в сцене схватки Иакова с ангелом у брода¹. Человек просто вынужден стоять на своем. В такой ситуации сама жизнь заставляет реагировать всей своей человеческой цельностью. Вполне может выясниться, что уже нет возможности блюсти букву нравственного закона. Отсюда начинается глубинная личностная этика — в жестоком столкновении с Абсолютом, в выходе на путь, осуждаемый нынешней моралью и блюстителями закона. Но все же он чувствует, что никогда не был более верен своей сокровенной природе и своему призванию, следовательно, стал предельно близок к Абсолюту, ибо он один и Всеведущий прозревали текущую ситуацию изнутри, тогда как судьи и прочие осуждающие видят ее только снаружи.

Известна история о молодом человеке, достигшем совершеннолетия. Отец сказал ему: «Тебе исполнилось двадцать лет. Обычные люди придерживаются Библии и слушаются священника. А те, что поумнее, соблюдают уголовный кодекс (*Strafgesetzbuch*)». Иными словами, он пытался растолковать сыну, что тот очутился в промежутке между «официальной» религией и гражданской моралью. Когда твоя собственная совесть сталкивается с этими установлениями, начинают приниматься наиболее личные этические решения — с полным осознанием творческой свободы, которая позволяет соблюдать моральный кодекс или его отвергать. Например, я могу вообразить такое положение дел, когда, чтобы сохранить профессиональную тайну, мне при-

---

¹ Быт. 32: 24–26. — *Примеч. ред.*

дется солгать. Бесполезно уклоняться от этого решения под предлогом того, что я «нравственный» человек. К черту (*zum Teufel*) такое самоуважение!

Я рассказываю все это для того, чтобы прояснить на практике собственную установку. С моей точки зрения, нет ли малейшей потребности в том, чтобы обсуждать все это философски. Для меня перечисленные вопросы — сугубо практические. Разумеется, меня интересует и философская их сторона, однако ею никого не соблазнишь (*aber damit lockt man keinen Hund hinterm Ofen hervor*¹). Реальность добра и зла присутствует во всем, что происходит с человеком, и все эти события слишком велики для обычного человека, если воспринимать каждое решение так, словно это вопрос жизни и смерти. Все события подобного рода человек относит к нуминозным, независимо от того, как он их для себя определяет: как божественные, дьявольские или просто как перст Судьбы. В мире действует нечто более сильное, нежели мы сами, нечто непобедимое, и ему приходится противостоять. Беда в том, что нам привычно обдумывать задачи и затруднения до тех пор, пока все не станет ясно, как дважды два четыре. Но в повседневности, увы, так не получается, мы не можем принять принципиальное решение, что всегда и везде будем действовать так-то и так-то. Мечтать об этом неправильно, так же как неправильно принимать свои действия за законы природы, неизменные повсеместно. Обычная мораль в точности следует классической физике: она привержена статистической истине и статисти-

---

¹ Букв. «не выманишь собаку из-за печки», немецкая поговорка. — *Примеч. ред.*